

В.Н.Порус

К вопросу о «научной философии»

В.А.Смирнов был убежденным сторонником и пропагандистом научной рациональности, сферой влияния которой должна быть, полагал он, и философия. Ему претило «философствование», в котором точность и ясность понятий и рассуждений вытеснялась словесным «украшательством», стремлением писать и говорить «красиво» и туманно под знаком своеобразной эстетики или моды на воспроизведение в тексте (речи) извилов и лабиринтов мысли, еще не пришедшей к уровню эксплицитно выраженных суждений, но перенасыщенной ассоциациями, метафорикой, намеками на смыслы, суггестиями и обращениями к эмоциям. Тексты или выступления такого рода неизменно встречались им с саркастической усмешкой либо — когда претенциозность авторов усугублялась агрессивностью — едкой и бескомпромиссной критикой. Покушения на рациональность философии он воспринимал как своего рода заболевание мысли — опасное потому, что оно грозило пандемиями иррационализма, слишком часто в XX веке служившего антигуманистическим идеологиям.

Такая позиция вызывала уважение единомышленников; она же воспринималась как вызов и часто подвергалась нападкам со стороны философов иного склада ума, иных пристрастий и ориентаций. Явная либо скрытая полемика с последними является важной составляющей творческого наследия В.А.Смирнова. В этой полемике В.А.Смирнов, повторяю, был последователен и бескомпромиссен, когда полагал, что речь идет об отступлении от рационального мышления.

Много лет назад в журнале «Вопросы философии» была опубликована резкая рецензия на пухлый претенциозный опус «по материалистической диалектике как логике и теории познания», изобиловавший грубыми ошибками и забавными «глубокомысленными» решениями гносеологических проблем. Одним из авторов этой рецензии был Владимир Александрович¹. Спустя годы, когда «баталии» с оголтелыми критиками «формально-логической» методологии уже утратили актуальность и никого не волновали всерьез, В.А.Смирнов остро высказывался по поводу распространения идей т.н. «исторической» школы в философии науки или внедрения в философию науки методов и идей социологии науки. Активизация этих идей взамен точных логико-семантических методов анализа структуры и взаимосвязей научных теорий, считал он, часто сводится к непродуманным, а то и попросту логически безграмотным постановкам проблем, эклектизму, отказу от поиска строгих решений (требующих и более высокого уровня специальной подготовки, большей скромности и терпеливости от тех, кто занимается этими вопросами), к погоне за сенсационностью и легким успехом.

Не время и не место в этой статье заниматься вопросом, в какой мере были справедливы эти обвинения. Многое ушло в историю, в том числе и в первую очередь, я думаю, взаимные обвинения сторонников «классической», «ортодоксальной» рациональности в философии науки, с одной стороны, и «реформистов», ревизовавших основоположения этой рациональности, с другой. Если первые обвиняли своих оппонентов в «иррационализме» (вспомним, кстати, что именно таким образом характеризовали взгляды Т.Куна и его единомышленников на существо процессов роста научного знания К.Поппер и И.Лакатос, хотя самим им немало доставалось подобных же ярлыков от еще более ригористичных адептов формальной методологии), в отступлении от принципов научной методологии или в логическом невежестве, то вторые столь же резко отвечали контробвинениями в фальсификации истории науки, в догматизме и утрате чувства реальности по отношению к науке и ее действительному, а не вымышленному бытию. Такая полемика, волновавшая ее участников в свое время, сейчас уже не может никого удовлетворить. Я уже писал, что пора спокойно разобраться в сути этих споров, пытаясь прежде всего понять, какими действительными затруднениями философии науки они вызыва-

лись и продолжают интересовать нынешнее поколение исследователей². В ряду этих затруднений прежде всего стоит необходимость характеристики понятия «научной рациональности»; дискуссии вокруг этой темы, несмотря на их продолжительность и многочисленность, все еще остры, и высказываются даже мнения, что само это понятие является реликтом устаревшей философии. Мое мнение противоположно: именно анализ проблемы «научной рациональности» способен открыть новые перспективы философии науки. Но для этого необходимо отказаться от упрощенных трактовок этой проблемы, извлечь уроки, преподанные историей науки и другими дисциплинами, ответить на вызов времени не повторением догм или опрокидыванием всех предшествующих конструкций, а поиском новых синтетических возможностей³.

В тесной связи с понятием «научной рациональности» находится понятие «научной философии», которому В.А.Смирнов придавал новый смысл (в отличие от терминологии, в свое время употреблявшейся неопозитивистами)⁴. Недавно этот смысл был проанализирован А.М.Анисовым в статье, посвященной памяти В.А.Смирнова⁵. Здесь я хотел бы высказать ряд замечаний об этом понятии, связывая их с проблематикой определения «научной рациональности».

Идея применения методов науки к анализу философских проблем, которую развивал и поддерживал В.А.Смирнов, восходит к седой старине: ее истоки можно найти и в «*Аrs magna*» Р.Луллия, и в математических образах Николая Кузанца и Д.Бруно, и в проектах «универсальной математики» Г.Лейбница, и в «Размышлениях о методе» Р.Декарта, и в «геометрическом» построении «Этики» Б.Спинозы; фундаментальное содержание ньютоновской и посленьютоновской «натуральной философии» – не что иное, как применение научных методов, созданных и разработанных основоположниками науки Нового времени, к осмыслению и решению проблем, ранее сформулированных в философии. Успешность (или неуспешность) реализаций этой идеи, конечно, зависела от исторического состояния философии и науки; понятно, что опыты построения «универсальной математики» Луллия можно трактовать как «предчувствие»

влияния научной методологии, находившейся тогда в эмбриональном состоянии, тогда как основоположник теории множеств Г. Кантор прекрасно осознавал, что занимается исследованием глубокой философии бесконечности, создатели современной физики А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг были философами первого порядка. Разумеется, современная наука развивается иначе, нежели это было во времена Ньютона или Дарвина, но и в наши дни фундаментальное естествознание и теоретическая математика, большинство фундаментальных наук о человеке и обществе постоянно встречаются с философскими проблемами, и вряд ли будет преувеличением сказать, что главные линии развития современной философии всегда реализовались в тесном взаимодействии с наукой, ее методами и результатами, а наиболее перспективные и значимые достижения науки имели и имеют место тогда, когда они связаны с философскими проблемами и способны пролить на них новый свет.

Конечно, философия и наука – разные сферы мышления. Иногда это различие преувеличивается⁶, иногда, наоборот, игнорируется. Во всяком случае, современное состояние и философии, и науки таково, что «контуры этих двух областей расплывчатые, они взаимно проникают одна в другую и во многих случаях чрезвычайно трудно сказать, что это – еще философия или уже наука?»⁷. Говорить о применении методов науки в «собственно философском исследовании» можно было бы только в том случае, когда эти контуры четко установлены, но это и означало бы проведение пресловутой «линии демаркации», о которой грезили неопозитивисты и критические рационалисты 30–60 гг. Этим грезам не суждено было осуществиться, и трудность здесь не только в том, что нет раз и навсегда данных критериев «научности», но нет и критериев «философичности», так что жесткую границу между наукой и философией нельзя провести ни со стороны науки, ни со стороны философии. «Речь идет не о стирании граней между научным и вне-научным мышлением. Грань эта существует в каждый момент времени. Просто она оказывается подвижной, исторически изменчивой»⁸.

Я думаю, что в этом нет ничего огорчительного – ни для сторонников жестких «демаркаций», ни для их оппонентов. Напротив, если идея жесткой демаркации выглядит не только утопической, но и методологически мало продуктивной, то идея «скользящей» грани зовет за собой идею «приграничной»

области, контуры которой могут меняться в зависимости от скольжения этой грани. Эта область состоит из разделов философии и науки, осуществляющих наиболее тесные контакты в условиях данного исторического периода их развития и сосуществования. Не только подвижны контуры, но и состав «приграничной области» может меняться: некоторые направления философской мысли могут получать идейную подпитку со стороны научных дисциплин, получивших особое развитие, и характер такого развития также может направляться идейными стимулами со стороны специальных философских исследований. Например, философские размышления о пространстве и времени тесно примыкают к фундаментальным физическим и математическим теориям, философско-антропологические концепции — к комплексу биологических, социальных и психологических наук. Но даже, казалось бы, отдаленные от науки области философского исследования, такие как этика или теория ценностей, могут решительно сближаться с научными изысканиями в психологии, социологии, модальной логике, истории культуры и т.д.

Как бы напрашивается мысль назвать «научной философией» именно те области философии, которые в данный исторический период располагаются в этой «приграничной» области. Однако, думаю, В.А.Смирнов не согласился бы с этим без существенных оговорок. Дело в том, что само по себе «прилегание» тех или иных областей философии к научным областям требует определенного осмысления. Означает ли оно лишь диффузию методов и идей науки в сторону философии? Еще раз вспомним отношение В.А.Смирнова к пост-позитивистским концепциям философии науки 60-80 гг. Казалось бы, ничто не мешает назвать эти направления в философии науки «научной философией»: мало того, что в них идет речь именно о науке и ее развитии, но и методы, предлагаемые для анализа научных процессов, также заимствуются из науки — социологии, психологии, социальной психологии, этнологии и т.д. Но именно против этого выступал Владимир Александрович. Философско-методологические модели развития науки, в которых упор делался на социологические или социально-психологические факторы изменения и развития научного знания, где само это изменение представало как результат конкурентной борьбы между научными сообществами, а не как итог объективно действующей логики научного познания, где фактически отрицалась сама возможность адекватной рациональной реконструкции этого процесса — такие модели не принимались им в качестве «научной философии».

Это означает, что «научная философия» – это не полигон для научных методов и идей на территории философских исследований; это такая философия, *критерии рациональности которой в значительной мере сближаются или даже совпадают с критериями научной рациональности.*

Критерии научной рациональности образуют некоторую систему правил, норм, эталонов (в роли которых могут выступать законы логики, законы фундаментальных научных теорий, принципы, идеалы, образцы решения задач и др.)⁹, конвенционально принимаемую научным сообществом, которое рассматривает эту систему как гарант успешной исследовательской работы, обеспечивающей достижение того, что в данном сообществе называют «истиной». Системы критериев научной рациональности могут различаться своим составом; например, принцип «жесткого» детерминизма может служить критерием рациональности в одной системе, но не полагаться таковым в другой, где будет фигурировать принцип «индетерминизма» или «вероятностного детерминизма»; принцип двузначности истинностных значений логических суждений в одной системе критериев рациональности может быть заменен в другой принципом многозначности; рассуждения, использующие постулат о параллельных прямых в евклидовой геометрии, вполне рациональны, но столь же рациональны и рассуждения, опирающиеся на постулаты геометрии Лобачевского, хотя рациональность последних определяется иной системой критериев.

Важно отметить, что критерии научной рациональности образуют не просто некую группу или множество, а именно систему, работа которой определяется организацией этой системы. А эта организация такова, что выделяет основные критерии рациональности («ядро научной рациональности») и подчиненные им критерии, причем соотношение между «ядром» и «периферией» может изменяться. Например, принцип непротиворечия может считаться относящимся к «ядру» системы критериев научной рациональности (противоречивая система утверждений не может считаться «научно рациональной»), однако может и перемещаться из «ядра» на «периферию» системы, если от этого зависит успешная (по определенным признакам) работа системы. Так, если центральное место в системе критериев научной рациональности занимает принцип «максимизации эмпирического содержания» научной теории (рационально действует тот исследователь, который выбирает

оптимальную стратегию для увеличения круга эмпирических знаний, всякое иное действие исследователя нерационально или иррационально), то принцип непротиворечия оказывается как бы подчиненным ему. Если обнаруженное или имевшееся с самого начала в научной теории противоречие до поры не мешает исследователю использовать эту теорию, успешно объясняющую известные наблюдения, открывающую новые эвристические возможности, гармонизирующую научную картину мира и т.п., то как раз нерационально было бы отбросить эту теорию (при отсутствии лучшей). Классическим примером из истории науки служит «планетарная» модель атома Э.Резерфорда. Напротив, упорное следование вполне последовательной и непротиворечивой, но эвристически малопродуктивной теории (находящейся в стадии «дегенерации», по терминологии И.Лакатоса) при наличии более эвристичной альтернативной теории является поведением нерациональным.

Всякая система критериев научной рациональности может рассматриваться как определенная *методологическая модель*, функция которой заключается в построении *теоретического образа науки и научного познания*. Каждая такая модель создает особый образ науки и по-особому позволяет вписать этот образ в картину культуры.

Методологические модели научной рациональности «изготавливаются» методологами и философами по-разному и для решения разных задач: для определения рациональной организации научного знания либо деятельности по его получению, для рационального понимания процессов трансляции знания и обучения, для определения рациональности изменения и роста, развития научного знания. Сказанное не означает, будто такие модели – продукты произвольных или субъективных решений. Их изготовление – сложный и длительный процесс рефлексии над содержанием и развитием науки. Но рефлексия не означает пассивного воспроизведения некой «научной рациональности как таковой». Результатом рефлексии является не «копия», а «модель» рефлектируемого объекта – воспроизведение этого объекта в творческом, активно-конструктивном мышлении.

Поэтому модели научной рациональности могут отличаться одна от другой, частично пересекаться, раскрывая природу научной рациональности в разных аспектах и ракурсах, с различ-

ной полнотой и адекватностью. Например, модель, отображающая движение знания, смену его исторически и культурно обусловленных форм, может существенно отличаться от модели, главным образом предназначенной для исследования статики научных процессов, структуры научного знания.

Абсолютизация какой-либо модели приводит к ее иррационализации. Научная рациональность не сводится полностью и без остатка к какой бы то ни было своей модели.

На первый взгляд, отношение между научной рациональностью и ее методологическими моделями такое же, каким обычно бывает отношение некоторого фрагмента реальности к теоретической модели этой реальности. Но теоретический образ науки не просто отображает реальность науки – он в определенном смысле создает эту реальность. Дело в том, что, будучи «изготовлена», модель научной рациональности дальше работает как образец и «репрезентант» научной рациональности и в качестве такового навязывается ученому, становится обязательным условием его принадлежности к научному сообществу, формирует стиль мышления этого сообщества и его отдельных членов. Критерии рациональности, образующие эту систему, выступают как регулятивы научно-познавательной деятельности, которые принимаются учеными как необходимое условие. Так возникает иллюзия «априорности» – тайна того, что модели рациональности принимаются за «рациональность как таковую»; модель принимается за то, что ею моделируется.

Однако эта тайна существует только до тех пор, пока не наступает (рано или поздно) рассогласование модели с реальной практикой научного познания, например, когда эту практику лучше и эффективнее отображает иная модель рациональности. Раскрытие этой тайны сопровождается драматическими перипетиями научного мышления: сознание, привыкшее видеть свою рациональность в следовании определенным критериям, с большим трудом свыкается с идеей «иной рациональности», а вначале относится к этой рациональности подозрительно и даже враждебно, усматривая в ней «иррациональность»¹⁰. Как показывает история науки, конфликт этой драмы постоянно разрешается и возникает вновь; философия науки также не без внутренних трудностей переживает эти конфликты, но, кажется, в настоящее время ее переживание становится более осмысленным и спокойным (правда, иногда

это спокойствие выглядит даже чрезмерным, ибо напряженность конфликта вызвала и плодотворные усилия к его разрешению, а ослабление напряженности клонит методологов в некоторую сонливость).

В одной из своих прежних работ¹¹ я пытался показать, что модели философской рациональности могут отличаться от моделей научной рациональности по крайней мере в следующем важном отношении. В науке имеет место *мета-принцип рациональности* (то есть принцип, по которому формируются модели научной рациональности), согласно которому взаимоисключающие или коренным образом противоположные критерии не могут применяться в рамках одной и той же модели научной рациональности. Невозможно, например, чтобы одна и та же модель включала в себя принцип детерминизма и принцип индетерминизма одновременно. Различные системы критериев могут включать противоположные принципы рациональности, но такие системы полагаются иррациональными одна относительно другой. В философии дело обстоит иначе. Конечно, в рамках одной и той же философской концепции нельзя, например, совместить принцип детерминизма и принцип индетерминизма (в одном и том же смысле и отношении). Но системы, включающие эти противоположные принципы, могут не являться «иррациональными» одна для другой. Если среди мета-принципов рациональности в философии помещается аналог названного выше мета-принципа научной рациональности, то философская концепция (теория), подчиняющаяся этому принципу, претендует на близость к научной рациональности. Если же этот мета-принцип не имеет места (или ему не подчиняется философская теория), то рациональность философии будет иной по отношению к научной рациональности. И это означает, что, например, индетерминистские философские концепции вовсе не являются «иррациональными» по отношению к детерминистским, и наоборот. Философия, утверждающая первичность материи по отношению к духу, не является «иррациональной» по отношению к идеалистической философии. И даже философские концепции, согласно которым противоречие есть наиболее явное и глубокое доказательство рациональности той сферы бытия или мышления, в которой оно «застигнуто» познающим разумом, не являются иррациональными для сторонников абсолютизации закона непротиворечия в качестве фундаментального закона бытия и мышления.

В указанном смысле принятие такого мета-принципа философской рациональности означает проведение некоторой пограничной линии между «научной философией» и иными формами философского исследования. Такая «демаркация» может быть проведена и по-другому: например, разграничительная линия может разделять такие модели научного знания, в которых признается либо не признается возможность адекватной логико-методологической реконструкции развития этого знания (И.Лакагос называл такие реконструкции «рациональными», подразумевая, что всякая иная модель научного развития должна считаться иррациональной). Мыслимы и другие способы установления этой границы.

[Теперь понятно, почему В.А.Смирнов отрицательно относился к некоторым «пост-позитивистским» моделям развития науки: они явным образом не соответствовали той модели «рационального философского исследования», которую он полагал единственно верной (в этом смысле его позиция может быть названа «демаркационистской»)].

Таким образом, не возможность или необходимость применения научных методов в философии, а применение моделей научной рациональности для определения рациональности философии позволяет (или не позволяет) считать те или иные разделы философских исследований, те или иные направления и концепции «научной философией».

При таком подходе мы избавимся от ненужной оценочности: «научная философия» — это что-то очень хорошее и заслуживающее внимания (в том числе внимания ученых), тогда как «ненаучная философия» — что-то реликтовое, подозрительное и внимания серьезных людей не заслуживающее. Выставление баллов философии по признаку ее «научности» или «ненаучности» — дело малоперспективное¹². Ведь реальная плодотворность философии вовсе не в том, чтобы максимально уподобиться науке, ибо в виде очередной научной дисциплины никакая ветвь философии не нужна как таковая. Не разумнее ли философии и науке, сохраняя свою самобытность, стремиться к максимальному диалоговому контакту, обогащающему обе стороны?

В заключение несколько замечаний об одном живучем предубеждении. Бытует мнение (даже среди профессионалов), что философские учения (концепции, теории), «проповедующие» «иррационализм» (например, такие учения, в которых провозглашается примат природного, волевого, до разумного на-

чала в человеке, непостижимость трансцендентного), сами по себе также иррациональны. Такое мнение неверно, во всяком случае оно противоречит большинству известных исторических фактов. Когда эти учения подвергаются «рациональной реконструкции» с помощью моделей рациональности им чуждых, возникает соблазн признать несоответствие между выводами, играющими в этих учениях важную или заметную роль, с одной стороны, и применяемыми критериями рациональности, с другой, признаком иррациональности. Но не следует уступать этому соблазну. Во-первых, даже самые «иррационалистические» учения строились вполне рационально (легко показать, например, рациональные основания, по которым Тертуллиан провозглашал свой тезис «Credo, quia absurdum est»); во-вторых, у каждого такого учения есть собственная система критериев рациональности, в соответствии с которой оно вполне имеет право оцениваться. В этом смысле «иррациональность» – это такое свойство, которое вынуждено делить судьбу всех «негативных» определений; оно имеет какой-то смысл только по отношению к «рациональности», а последнее понятие имеет методологическую значимость, как я пытался показать выше, только в форме многообразия различных моделей. Поэтому «иррациональность» – это всегда некая рациональность, не соответствующая принятой модели рациональности. Исследования современных культурологов и философов науки показывают, каким образом можно говорить о рациональности магии, мифа, религии – всего того, что еще недавно и столь многими заведомо выводилось за граничную черту рациональной сферы¹³.

¹ Копнин П.В., Нарский И.С., Смирнов В.А. Серьезные недостатки в книге по материалистической диалектике // *Вопр. философии*. 1964. № 4. С. 165-170.

² Порус В.Н. Рышарь Ratio // *Вопр. философии*. 1995. № 4.

³ Порус В.Н. Системный смысл понятия «научная рациональность» // *Рациональность как предмет философского исследования*. М., 1995. С. 91-120.

⁴ При активном участии В.А.Смирнова была задумана и опубликована продолжающаяся серия монографий под общей рубрикой «Научная философия», куда вошли заметные произведения прошлого и наших современников – историков и методологов науки, культурологов, логиков, психологов.

⁵ Анисов А.М. Концепция научной философии В.А.Смирнова // *Философия науки*. Вып. 2. М., 1996. С. 5-27.

⁶ «Философия никогда не была, не является и, по-видимому, никогда не будет наукой. Осознание этого обстоятельства будет иметь многочисленные и

благовторные следствия для нашей культуры». Под философией следует прежде всего понимать личное мировоззрение, тогда как наука обладает безличностным знанием статусом (Никифоров А.Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 298).

7 Там же.

8 Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996. С. 39-40.

9 См.: Степин В.С. Идеалы и норма в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 10-64.

10 См.: Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этики // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995. С. 315-335.

11 Порус В.Н. Рациональность философии // Эстетический Логос. М., 1990. С. 37-52.

12 Противопоставление «научных» и «ненаучных» философских систем и концепций имеет давнюю историю. Хорошо памятные резкие и часто безграмотные поношения в адрес «буржуазных» или «идеалистических» философий, которыми адепты «марксизма-ленинизма» заменяли саму возможность диалога и разумного обмена мнениями, причем делалось это от имени науки и критериев научности. Это, пожалуй, самый очевидный, но далеко не единственный пример, когда «демаркация» между «научностью» и «ненаучностью» превращалась в баррикаду между непримиримыми и враждующими силами. Вспомним язвительную критику в адрес религиозной философии Н.А.Бердяева русскими неокантианцами и феноменологами, полагавшими себя сторонниками действительно «научной философии» (в смысле Г.Когена и Э.Гуссерля). Демонстративно становясь под знамя «научности» и претендуя на ясное осознание «прямой и всегдашней» цели философии – «давать систему законченных и общеобязательных знаний о сущем» (Яковенко Б.А. Философское донкихотство // Н.А.Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 237), эти критики в пылу полемики как-то упустили из виду, что их собственная позиция противоречит провозглашаемому ими же идеалу. Ведь именно наука прежде всего восстает против претензий на законченность и общеобязательность знания, именно наука постоянно возвращается к уже, казалось бы, решенным вопросам относительно истинности даже самых фундаментальных своих положений «о сущем». Но дело не только в этом. Проходит время, и самая «научная» критика, казавшаяся некогда столь важной и принципиальной, теряет свою остроту и привлекает только историков, тогда как глубокие (пусть часто и не выраженные с наукоподобной строгостью) философские или религиозные идеи продолжают жить и участвовать в мыслительной работе последующих поколений. Поэтому не будем торопиться с оценками.

13 См.: Леви-Стросс К. Из книги «Мифологично» 1. Сырое и вареное // Семиотика и искусствометрия. М., 1972; Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987; Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993; Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. М., 1992. С. 84-127; Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996.; Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996; Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1994.